

— Служитель Бога, то был крылатый оборотень, — вернувшись, слегка запыхавшаяся Цян покачала головой. — Ушёл, я не сумела его догнать.

Линь Ло уже успел привести жилище в порядок, расставив подстилки и вещи по местам. Услышав слова Цяна, он слегка нахмурился:

— Много ли среди прибывших с нами служителей тех, кому подчиняются крылатые оборотни?

— Подозрение падает на кого-то из них? — уловила его мысль Цян.

— Я только-только ступил на Затерянные земли, — задумчиво произнёс Линь Ло. — С местными жрецами и служителями не знаком, враждовать нам незачем. Единственные, у кого мог возникнуть ко мне мотив, — это те, кто прибыл вместе с нами из Города.

Догадка Линь Ло возникла не на пустом месте. Некоторые Служители Бога питали к чистокровным людям откровенное презрение, ничуть его не скрывая.

Даже то, что он сам возвысился до статуса служителя Бога, не утихомирило их враждебность — напротив, лишь растравило чужую зависть и желчь. До сих пор Линь Ло удавалось сохранять подобие мира только благодаря подчёркнутой скромности: он попросту игнорировал выпады в свой адрес. К тому же рядом с ним часто крутился Хун Юй из племени Красного Камня, что до поры до времени удерживало тайных недоброжелателей от открытых пакостей.

Но дальше терпеть он не намеревался. В его планах значилось выращивание целебных трав и внедрение совершенно иных, непривычных здешним обитателям способов врачевания. И если эти завистники снова посмеют вставлять палки в колёса, спуску он им не даст.

Линь Ло перевёл взгляд на Цяна:

— Скажи, сколько оборотней может подчиняться одному служителю Бога?

— Никаких ограничений нет, — ответила она. — Любой оборотень, изъявивший добровольное желание присягнуть вам, становится вашим вассалом. Но с этого мгновения он накрепко связан с вашей судьбой: его чести и бесчестью теперь шагать рука об руку с вашими.

Линь Ло коротко кивнул, принимая сказанное к сведению.

На следующее утро прибывшие из Города служители Бога отправились в лагерь оборотней, чтобы приступить к молебнам и врачеванию раненых. Линь Ло заранее взял под свою опеку двоих тяжёлых больных и с самым рассветом навестил их.

Сняв со лба страдающего от лихорадки воина влажную шкуру, он прикоснулся ладонью к его лбу и вискам — жгучий жар пока и не думал спадать.

Затем Линь Ло осторожно отлепил от живота раненого плотный лист бычьего языка. За ночь тёмно-зелёная мякоть растения напилась вытянутым из раны гноем, став мутно-белёсой и ослизлой. Зато под ней наконец показалась живая, розоватая плоть без прежнего мертвенного налёта.

«Средство работает, — обнадеживающе подумал он. — А если есть действие, значит, есть и надежда на спасение».

Размяв свежий сбор бычьего языка в однородную кашицу, Линь Ло наложил густую повязку на очистившуюся рану и, подняв глаза на замерших неподалёку сородичей воина, распорядился:

— Следите за ним внимательно. Не забывайте вовремя менять охлаждающие шкуры на лбу. Чуть позже я принесу отвар, дадите ему выпить. Через пару дней оценим изменения.

Оборотни знали: этот чистокровный служитель проводит свои обряды совсем не так, как прочие. Но внутри у них рождалось странное, не испытываемое прежде чувство. Возможно, дело было в особенном, дарующем покой и тепло взгляде Линь Ло, а быть может — в той искренней заботе, с которой он относился к их соплеменнику.

Выбравшись из землянки, Линь Ло направился к следующим укрытиям. Двадцати прибывшим служителям Бога поручили заботу о сотне с лишним подземелий, где укрывалось свыше шестисот оборотней, и почти половина из них получила увечья в боях. Впрочем, настолько тяжёлых больных, как те двое, к счастью, насчитывалось немного.

Когда Линь Ло откинул тяжёлый занавес из шкур и спустился в очередную землянку, находившийся там рослый оборотень смущённо отвёл взгляд и торопливо смахнул слезу тыльной стороной ладони:

— Приветствую вас, почтенный Служитель Бога.

Линь Ло коротко кивнул и, подойдя к распростёртому на земле раненому, присел рядом, всматриваясь в его лицо.

Мечущийся в бреду воин вымахал высоким и ладным, но на вид ему нельзя было дать больше пятнадцати-шестнадцати лет. Судя по характерным чертам, он принадлежал к роду Чёрного Золота и обращался в льва. Из-за изнуряющей боли его звериные уши бессильно прижались к

макушке.

Тот самый оборотень, что сдерживал слёзы, несмело приблизился и спросил с затаённой надеждой:

— Почтенный Служитель Бога... Вы пришли исцелить И?

Линь Ло качнул головой:

— Я пришёл сотворить молитву о его здравии.

Искорка надежды в глазах воина мгновенно угасла. Потеряв над собой контроль, он рухнул на колени прямо у ног Линь Ло, сжав дрожащими пальцами подол его грубого льняного одеяния:

— Почтенный Служитель Бога, молю вас, спасите моего брата! И ведь всего пятнадцать, он совсем ещё мальчишка! Если он уйдёт в чертоги Бога-Зверя, наши отец и мать просто не переживут этого горя!

Широкие плечи оборотня сотрясались от глухих рыданий, а пальцы с такой силой впились в ткань, что побелели костяшки.

Сгрудившиеся в укрытии сородичи торопливо вступились за него перед Линь Ло:

— Простите Кана за дерзость, почтенный Служитель Бога! И — его единственный младший брат, с тех пор как мальчик слёг, Кан сам не свой от горя.

— Встань, Кан, я не сержусь, — мягко произнёс Линь Ло. — Я обращаюсь с молитвой к Великому Зверю, и Он возьмёт И под своё покровительство.

Подобные речи Кан слышал десятки раз. Каждый раз, когда его друзья и боевые соратники истекали кровью, жрецы произносили ровно эти слова. Вот только выжить не удалось никому. Поняв, что чуда не случится, Кан замер на коленях, словно истукан, окончательно погрузившись в беспросветное отчаяние.

Линь Ло склонился над юношей по имени И, внимательно осматривая его раны. Их было много, но самая страшная прилась на плечо — чудовищные челюсти Пожирателя зверей едва не оторвали руку. Из развороченной, воспалённой плоти торчал обломок белой кости, а самого мальчика сжигала тяжелейшая лихорадка.

Нахмурившись, Линь Ло повернулся к Цяну:

— Принеси мой каменный котёл для кипячения воды... — А затем обратился к замершим воинам: — Застелите землю чистыми шкурами и осторожно переложите И.

Быстро перебрав в памяти всё, чему его учил дед-лекарь, Линь Ло понял: первым делом необходимо вправить торчащую кость. Но вправление неизбежно требовало касания открытой раны. Чтобы не занести грязь и гниль, он решил тщательно промыть руки крутым кипятком. Полноценной дезинфекции это, конечно, не давало, но всяко лучше, чем прикоснуться к ране грязными пальцами.

Цян вернулась почти мгновенно с каменным котлом. Ещё вчера это был обычный валун с естественным углублением, но накануне вечером Цян, приняв звериный облик, выскоблила когтями глубокую вместительную чашу, отлично удерживающую тепло.

Едва вода в котле закипела, Линь Ло, пересиливая ожоги, тщательно ополоснул кипятком ладони, ошпарил несколько чистых лоскутов шкуры и обернулся к Цяну и Кану:

— Держите его. Один пусть сожмёт ноги, второй — здоровое плечо. Я должен вправить кость, не дайте ему дёрнуться.

Цян без лишних слов мёртвой хваткой вцепилась в ноги И. Кан на мгновение растерялся, но ввевшееся в кровь беспрекословное подчинение воле Служителя Бога заставило его навалиться на здоровое плечо брата.

Линь Ло тихо перевёл дух. Он не был дипломированным врачом — лишь перенял кое-какие навыки у своего деда, сельского целителя. Затопит ли рану гной дальше, выживет ли мальчик — уверенности не было никакой, но мешкать не оставалось права.

Ощупав пальцами изувеченный сустав и мысленно сопоставив его со здоровой анатомией, Линь Ло точным, сильным движением надавил на торчащий осколок, водворяя кость на место.

Бредивший в лихорадке И побелел губами и с диким, измученным стоном рванулся всем телом, пытаясь вырваться из тисков.

Линь Ло тут же высвободил мягкую волну своей особой энергии, мягко нашептывая:

— Тише, И, тише... Всё позади, скоро боль уйдёт...

Под воздействием этой благодатной силы погружённый в туман юноша разомкнул заплаканные глаза. В его душе вспыхнуло непреодолимое, почти сыновнее влечение к юному служителю — ему безудержно захотелось прижаться к этим ласковым рукам.

Линь Ло сконцентрировал остатки энергии в ладони и прикоснулся к его лбу.

В то же мгновение каждую косточку, каждую натянутую как струна жилку И словно омыло потоком теплого, ласкового солнечного света. Мучительная боль мгновенно отступила на задний план, а прижатые к голове звериные ушки откликнулись тихим трепетом.

— У-у-у... — тихо, по-детски жалобно заскулил юноша, подставляя голову под ладонь Линь Ло.

Из его горла вырвался сонный, доверчивый рокот, и он с нежностью уткнулся щекой в родную ладонь.

Ощущение было точь-в-точь таким же, как во времена апокалипсиса, когда Линь Ло находился на пике своей силы. Вот только прежде его энергии хватало, чтобы исцелить целое стадо, а теперь один-единственный порыв истощил запасы на треть.

Не теряя драгоценных мгновений, Линь Ло окончательно зафиксировал сустав, тщательно промыл рану горячим, обработанным паром лоскутом и обложил разорванную плоть толстым слоем целебной кашицы из бычьего языка.

Подняв уставшие глаза на Кана, он распорядился:

— Чуть позже придёшь к моему укрытию и заберёшь... — Линь Ло хотел было сказать «отвар бычьего языка», но вовремя поправился, подлаживаясь под здешние понятия: —...заберёшь чашу священного снадобья. Напоишь им брата.

Остальные царапины и ссадины на теле юноши оказались пустяковыми — Линь Ло быстро обработал их и поднялся на ноги, собираясь уходить.

И провожал его преданным взглядом:

— Почтенный Служитель...

Линь Ло ободряюще улыбнулся мальчику:

— Завтра я снова навещу тебя и повторю молитву.

Молодой оборотень смежил веки. Живительная сила, всё ещё циркулировавшая в его жилах, убаюкала раненого, и он погрузился в глубокий, целительный сон.

Глядя на сгладившиеся морщинки на лбу брата, Кан почувствовал, как к горлу подступает комок. Впервые с момента ранения И спал спокойно, без мучительных судорог. Переполненный трепетом, воин вновь припал к ногам Линь Ло и с благоговением прижал лоб к полу его холщовой рубахи:

— Спасибо вам, почтенный Служитель... Благодарю вас от всего сердца.

Даже... даже если через несколько дней юный И всё же предстанет перед ликом Бога-Зверя, в свои последние дни он благодаря этому человеку познал отраду и покой. Помянув погибших друзей, Кан испытывал к юному служителю Бога глубочайшую, безграничную признательность.

<http://bllate.org/book/20115/1992917>